

Ниджат Мамедов

НЕПРЕРЫВНОСТЬ III

1

Ты говоришь, чтобы слышать себя,
не толковать, а вживаться в сказанное,
как нить, входящая в отверстие иглы,
как игла, сшивающая Шакти с Шивой.
Ты так долго молчала, что сейчас любое
сопряжение слов выводит в Иное.
Будто возобновилась заглохшая переписка,
все сжалось в точку и жало мира близко-близко
подобралось к зрачкам и вонзилось в них.
Мир, льющийся в зрачки,
напоминает прах в песочных часах.
Закроешь веки — время потечет обратно,
и время станет кратно тому, что непонятно.
Ты говоришь и натыкаешься на библиотеку у себя во рту.
Ты повторяешь: «Прикосновение к основе
сплавляет нас по чужим следам точно ртуть».
Как язык повернется такое сказать?
В этом месте, пожалуй, следует остановиться.
И взглядеться в свои другие лица.

Я говорю, чтобы услышать тебя.

2

Многое ускользает, многого не поймать, не схватить. И тем лучше.
Вообще при сочинении не стоит следовать даже своим собственным
канонам.
Можно входить и выходить из стихотворения во время акта письма/чтения.
Говорят, такие стихи обычно читаются в чайхане
для трех-четырех «золотых ушей» во всем городе.
Чем ты жертвуешь, когда читаешь это?
Я — ничем, когда пишу, максимум — чтением.
Удастся ли мне дать тебе точки, которые ты
сам сможешь соединить в свободные линии-лилии?
Мне сейчас хочется, чтоб ты бросил читать и вышел погулять.
«Линия — это точка, вышедшая на прогулку», говорил Клее,
склеивая грезы и явь. Важна не форма, а некая туманность, рождающая
форму
и мыслить о поэзии столь же важно, сколь мыслить поэзией.

Все мы всегда живы поэзией: засыпаем, видим квантовые сны под звездным небом Канта, просыпаемся будто, смотрим на свои отражения, прежде чем выйти из дома,
перебегаем улицу под проливным дождем, ловим ресницами снежные хлопья (снег — хлопок одной ладони, ибо «The Snow Has No Voice» — композиция Фуррера),
жарим глазунью в бессолнечный вечер (и потому солнце с нами всегда), завариваем чай с чабрецом или пьем молоко, а потом снова ложимся спать, кто-то в обнимку с другим, кто-то рука об руку со своей тенью.
Но и тот, кто считает себя одиноким, догоняет, что это не так, потому как существует туманность, откуда он вышел, чресла, откуда вышли все числа.
Вот и поэт обычно стремится создать автопоэзис «петли ответной реакции», не вписывающейся в наши математические ожидания;
он пишет стих, как бы еще до того как его осознал.
Он понимает все до мелочей, но объяснить порой неспособен.
Считать ли это признанием бессилья, свидетельством поражения?
Хотя «без свидетельства поражения ничего настоящего и не бывает», — пишет мне друг из Петербурга, прочтя предыдущее стихотворение, отправленное ему позавчера, перед тем, как я лег спать в одиночестве.

3

Rumi/Celan/Rewriting

истоки все равно не объяснить
тянется нить

одной розой больше отмечается боль

быть воздухом и
становиться минералом
становиться растением
становиться животным
становиться человеком
становиться тем, кто
сеет семена,
сменяет имена и лица

нить должна виться
и
о-становиться

твои уста — устье для усталого путника
одной розой, только одной мечется поцелуй

4

У меня никогда не возникает проблем
с боязнью белого листа или Word-овской страницы.
Всегда найдется, над чем поработать.
Всегда можно открыть книгу другого, украсть строку,
начать с нее как она есть, т. е. не начать, а продолжить («Непрерывность»
еще и поэтому)
или пропустить сквозь фильтры собственных предпочтений, свои врата
травм.
Так, первые три строки этого текста я выдрал из интервью
одного скандинавского автора, покончившего самоубийством.
Не то, чтобы начал, а чуть переиначил.
Значит, смерть проницаема? Этому норвежцу, обронившему
«Вероятность смерти составляет 100%», удалось
протянуть руку сквозь границу и стать мне другом.
Тут нельзя не вспомнить слова еще одного поэта,
тоже покончившего с собой: «Стихотворение для меня
неотлично от рукопожатия». Мертвые сообщают нечто
крайне важное покуда живым, шлют свою почту.
А живые покуда живы — лживы,
если не состоят в отношениях с чем-то или кем-то отсутствующим.
Впадают реки в океан, огромность чью не исчерпает взгляд.
Вирджиния и Пауль бросились в реку. Первая в Уз, второй в Сену.
Но лично меня всегда грела мысль, что, несомненно,
покоится где-то некий океан, плоский как коан, безмерный словно Коран,
в который влились Ульвен, Вулф, Целан,
в который водой к воде вольемся все мы,
кто не раскрывая рта и раскрывая вены,
кто бережно ступая по набережной Сены.

О чем ты думаешь, когда слышишь слово «река»?

5

following Robert Creeley

как уловить
смыслы нагими
без единого слова?

зрением, созревающим в снах?
зря

слово
меняется
с каждым выдохом
плавится как олово

я растерян
речь закончилась?
что говорить? неоткуда читать
я не знаю, кого играть

вот
следы отсутствия
сразу во все
стороны

6

«Напиши что-нибудь о том, как реки впадают в море»

Ляман

Суждение о мире — сужение мира. Ты соскальзываешь в сон после того, как я долго пробую на вкус лепестки твоих губ. На слух я пробую их лепет. Я отправляюсь на кухню, чтобы отравиться сигаретой и окунуться в чтение «Цветов зла». Наступление утра кажется мне непонятным как «Лotosовая сутра». Тем не менее, отлетающий от сигареты дым, неотвратимо расцветающий восток за окном, строки Бодлера намекают на непрерывно свершающуюся драму дхарм, свергающую всякое представление о «божественном». Твое сверкающее обнаженное тело, обожженное поцелуями после нескольких рюмок Tequila, отчего-то вызывает в запинаящейся памяти заплата латыни: «Qui nescit tacere, nescit et loqui». Внимать тебе, сплетая нить фраз в «ни то и ни это». Откинь Никто. Он тоже из тонких ниток сплетен. Mənim dinim səni dinləməkdir, dediklərini dənləməkdir¹. Зерна слов во время вечерней прогулки по набережной озера (O-ZERO), считающегося морем, сыпались зеркальными осколками Otherness. Река твоей речи впадает в море моей morte. Ты запала мне в уши и сейчас я несусь вроде чуши, шепчу, бормочу, снова хочу, откладывая в сторону книгу поэта, тушу сигарету и иду тебя будить, чтобы покрываясь соляным потом (в слове «соляным» я объединяю нас, как СОЛЬ с ЛЯ. Со слога «ля» начинается твое имя — мой камертон) вновь погрузиться в поток, что остается собой лишь вечно меняясь.

Расстояние вдохновляет восхождение к Будущему.

Опережая себя в акте письма,
в попытке расположить слова на бумаге,
артикулируя сопротивление инерции текущего момента,
я перебираю страницы с прежде написанным,
по ходу перевирая некоторые строки,
и задумываюсь о всеохватной лексеме.

Я беру слово «Allah», вычитаю человеческое, слишком человеческое
междометие «ah» и получаю английское «All», что означает «все».
Меня привлекает транскрипция этого слова: «Ol». Ноль и единица —
Небытие и Бытие. По-азербайджански «Ol» означает «Будь».

Согласно Корану именно словом «Будь» Аллах способен пробудить
вещи и души, дремлющие в Небытии.

Выше изложенная многоходовка показывает: язык — не отражение,
а отторжение реальности, сказать значит исказить,
но поэзия — искажение искажения и потому
во многом совпадает с реальностью.

Поэт подчас и сам не знает *что* хотел сказать.

Хотел — одно, сказалось — другое.

(Кто или что вещает через него? Вешает на язык имена,
отлетающие от вещей, как душа от тела во время сна?)

Что к лучшему. Что означает отказ от подмены мира
собственным неполным, изначально полым
знанием о нем. Хорошо, когда автор предпочитает становление,
нечто неотвердевшее, молоко вместо сыра.

Хорошо, когда он не выстраивает никаких систем,
понимая, что основания всегда нужно ставить
под сомнение и даже прибегать к банальности.

Иногда все эти траченные слова и смыслы столь свежи...

Перекатываешь их во рту и мозгу и говоришь: «Это — жизнь.

Это — как каждый день одолевать этажи,
ведущие к порогу твоей квартиры».

Субъективность возникает не только по воле пишущего.

Подтверждение и нарушение читательских ожиданий — двусторонний акт.

Да и сам читатель каждый раз воспринимает текст чуть иначе,
в зависимости от времени суток и того как спал ночью.

Пусть стихи уже не Событие, но все еще Со-Бытие.

Читатель рад потеряться в стихотворении, когда оно
захватывает его и мгновенно погружает в неизведанное
словно мимолетный поцелуй, драйв коллективной души.

(Невозможное действительно существует, но нет ни карты, ни компаса.)

Вот почему стоит исследовать внутренние ландшафты,
ловить в сети бабочек, опыляющих нейронные сети пишущих, прорицать

с плотно сжатыми устами, терпеть терпкую экзистенцию, не растворяя рта для сетования.

Мы сотканы из разрозненных отголосков, всполохов, спиралей Spiritual, ритуалов (например, когда землю хоронят в земле и вздрагиваешь от мысли, что даже пеленки младенца напоминают саван). Наши голоса продолжают искать друг друга, несмотря на паузы, но пароль порой неизвестен и, случается, предельное усилие кончается ничем.

Впрочем, это не имеет большого значения.

8

утраченный смысл

)растворение(

распыление значения по

память речных камней состоит из итога многолетней работы проточной воды

память — чуждый камень = yaddaş — yad daşdır

yaddaş yaşdadır

yaddaş yaş dadır²

кто «ты»?

возлюбленная? читатель? бог?

но еще и сам »я «, взятый в абсолютной изоляции, не понимающий самого себя, напоминающий

опыт ребенка, обучающегося письму,

травму, от которой клонит ко сну

«и не нашел слов для всего случившегося»

умереть / отбросить ум

влииться в Шум

в результате чего не

9

Объем фигуры определяется суммой парадоксов.

Ведь позиции двух влюбленных изначально неравны.

Но в результате изучения своей интуиции

они превращаются во все более аморфный организм,

систему, способную объяснить

происхождение *различия/сходства*.
Один рот. Одна пара глаз.
Наружу вырываются только обрывки фраз.
А в ожидание следующего слова
вторгается множество помех,
в основном достаточно конвенциональные звуки:
чей-то смех, аплодирующие потные руки,
шепот «Прости нас...»
Один рот. Одна пара глаз,
воспитанных в культуре созерцания:
они демонстрируют истину, демонтируя ее —
сложную конструкцию отражений в несуществующих зеркалах.
Один рот. Одна пара глаз. Сросшийся пах.

10

Эмину Азизбейли

Смеркается. В чреве вечерней тишины червями роятся мысли «что делать со смертью и после нее»? Перевод смерти в метафоры (например, «справедливость», «ədalət», «delete», «удаление») не избавит ни тебя, ни меня от перехода брода. Тление личных местоимений. Загнанный в угол(ь) двигается вверх спиралью вариаций на тему никтоморфного архетипа. Мы — следы типографской краски, резьба по камню. Взаимопроникновение древних возгласов «Да!» и «Нет!» сопровождается отъятием языка. X остается X — мужество. Жить — сторожить свою могилу. Tabut. Табу на слово о сексе, слово о смерти, слово о слове. ! укладывают в () как член во влагалище. Что время проделывает с лицом, лицами? — превращает? нет, возвращает «я» в пыль. Последний шум остается за угасанием смерчи ума. Защита помутнением рассудка? Рваное сознание, равное бедной бездне. Но ежеутреннее внутреннее *смрити* зубов — обнаженных костей — несет умирение страха смерти, что, в свою очередь, подрывает любые идеологемы, первойшей из коих является двусмысленность. Масса и месса масок, выстраивающихся пестрым веером, не скрывают никакого секрета. С ночного неба готова сорваться спелая слепая луна. Ей свойственно периодически превращаться в треснутую тессеру. Вход оплачен. Открой глаза. Просыпайся. Как песок.

11

Каждый, будучи центром, носит в себе свою дорогу,
прокладывая путь в любом направлении.
Бессюжетное движение в пространстве,
когда не знаешь куда идешь.

Последующая строка стирает предыдущую,
как волна, набегающая на волну.
Исчерпывающее описание цветка
расширяется до описания Вселенной,
которую мы уменьшаем и умечаем в словаре.
Забвение, как вены, переплетается с памятью.
Пахнет мятой, измятой постелью.
После себя мы оставили руны руин.
Нечто — только то, что оно есть и ничего больше?
В разрыв между помысленным /и/ сказанным,
глазом /и/ тем, что он видит, вещью /и/ ее именем
вторгаются мертвые. Они живут в изнанке
изначальной допонятийной магмы.
Но эти собеседники легко заменимы
в силу внутренних особенностей самого языка.
Так «ошибка» может стать художественным методом.
Опускается вечер и я могу
плавным жестом подбросить вверх горстку монет.
Не так уж и важно поймать или нет,
главное понять зачем я их подбросил.
Этот текст... чья он собственность?
Что-то вижу я, другое увидит другой,
остальное — для остальных.

13

Негатив произнесенного. С-и-т-о. Ассиметричная фигура, распадающаяся на
слои и структуры. Исследовать опыт, который невозможно определить
целиком и полностью. Кружить вокруг да около, не доходя до сути. По ходу
следствия мы будем получать от различных источников всевозможные
утечки, и в один прекрасный момент может оказаться, что то, что говорилось
раньше, не соответствует действительности. Пять ран Христовых, застывшая
улыбка Будды, стигматизация шизофренией. Сфинкс переплывает Стикс.
Фиксация X. Одинаковое напряжение в каждой точке интоксикации Богом.
Стечение простых обстоятельств, вдруг складывающихся единственным и
неповторимым образом в какой-то недоступный пониманию узор.
Наблюдение распада на отдельные голоса. Медленно и бережно. Как эроса
свойство. Как невозможность закрыть глаза: зримые элементы
увеличиваются до размеров, вытесняющих рефлексия, даже страх.
Последующее собирание из хаоса. Потребность в длительности. Любовь.

19

Это невозможно представить в виде формулы,
запомнить и планомерно применять.

Ибо достаточно доли секунды и ты уже не ты.
Сегодня Путь проходит не через ритуальные пляски, а связки,
которые сознание, освобожденное от пут мертвых букв
и подчиненное лишь полной спонтанности,
устанавливает между забытыми ч а с т и ц а м и,
рассеянными в
Так случайные события преобразуются в цель,
для чего достаточно одной фильтрации повседневного опыта.
Вот почему важно не только знать, но и делать.
Мы должны преодолевать трудности иначе;
слушать, чувствовать, разделять ответственность.
Сейчас это пишется из одной точки мира
с надеждой, что будет читаться из многих.
И если текст породит обратную связь —
письмо того, кто прочтет эти строки, —
мы вместе станем как боги,
улыбчивые боги в начале дороги,
ведушей к забвению в речном пороге.

декабрь 2015 — май 2016

¹ «Моя религия заключается в том, чтобы слушать тебя, расклеивать твои слова»
(азерб.).

² «память — чуждый камень / память заключена в возрасте / память горчит слезами»
(азерб.).